

В. В. Хуциева, В. Д. Осипова

Хуциева Виктория Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
E-mail: vkhutsieva@herzen.spb.ru

Осипова Влада Дмитриевна, Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена.

НАПРАВЛЕНИЯ, МЕХАНИЗМЫ И ТРАДИЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СКАНДИНАВСКОГО, ФИНСКОГО И ШВЕДСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

В статье рассматриваются организационные аспекты деятельности благотворительных обществ иностранных предпринимателей – выходцев из стран Северной Европы в Петербурге в конце XIX-начале XX вв. Авторы анализируют черты сходства и различия в предпосылках и обстоятельствах создания Скандинавского, Финского и Шведского благотворительных обществ, направлениях их деятельности, условиях функционирования. На основе широкого круга источников делается вывод о тесной связи между социальными мерами, предпринимавшимися благотворительными обществами, и необходимостью поддержки корпоративных и земляческих интересов в условиях социально-экономических и политических изменений в России на рубеже XIX-XX вв.

Ключевые слова: бизнес, благотворительность, деловой мир, Нобели, предпринимательство, Санкт-Петербург

V. Khutsiva, V. Osipova

Khutsiva Viktoria Valerievna, PhD (History), Associate Professor of Herzen State Pedagogical University.

E-mail: vkhutsieva@herzen.spb.ru

Osipova Vlada Dmitrievna, Herzen State Pedagogical University

**THE WAYS, MECHANISMS AND TRADITIONS
OF SCANDINAVIAN, FINNISH AND SWEDISH CHARITABLE
SOCIETIES' ACTIVITY IN ST. PETERSBURG
AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

The article discusses the organizational aspects of the activities of charitable societies of foreign entrepreneurs - immigrants from the countries of Northern Europe in St. Petersburg in the late XIX-early XX centuries. The authors analyze the similarities and differences in the prerequisites and circumstances of the creation of the Scandinavian, Finnish and Swedish charitable societies, their areas of activity, and operating conditions. Based on a wide range of sources, it is concluded that there is a close relationship between social measures undertaken by charitable societies and the need to support their corporate and community interests in the context of socio-economic and political changes in Russia at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: business, charity, business world, the Nobels, entrepreneurship, St. Petersburg.

Один из интереснейших и значимых аспектов в изучении истории взаимоотношений между Россией и странами Балтийского региона на уровне социально-экономического взаимодействия и инкорпорации в среду столичного делового мира во второй половине XIX – начале XX вв. – это благотворительная сфера. Перипетии этих взаимоотношений

неоднократно привлекали внимание историков как одно из направлений общественно-экономической деятельности иностранных предпринимателей в Петербурге. Но до настоящего времени целостной реконструкции всего комплекса мер, свойственного не одному обществу такой направленности, а нескольким, как связанным друг с другом генетически, так и относительно обособленным, не производилось. Тем не менее, круг источников по этой теме весьма широк и представлен документами из фондов РГИА, ЦГИА СПб, ЦГАКФФД, а также периодической печатью. Например, материалы по истории Скандинавского благотворительного общества.

В отечественной и зарубежной историографии вопросы, связанные с историей иностранного предпринимательства и иностранной благотворительности в Петербурге рассматривались неоднократно¹. При этом стоит отметить, что данные сюжеты оказывались в поле зрения не только историков, но и экономистов². Проблема, несомненно, носит междисциплинарный характер.

С середины XIX в. предприниматели обнаруживали тенденцию к созданию земляческих и религиозных (приходских) объединений. Это позволяло им, особенно в конце столетия, укреплять уверенность в эффективности и безопасности в отношениях между экономическими субъектами разного социального статуса. К началу XX в. в сфере предпринимательства накопился целый пласт институциональных ограничений, как формальных (законодательного характера), так и неформальных (понятийно-поведенческих, диктуемых «правилами игры»). Именно из-за них стали возникать организации, прежде всего в области оказания нуждающимся материальной помощи. Они объединяли предпринимателей, встраивая их в иерархию – корпорацию, способную лавировать в усложняющихся социально-политических условиях, а также позволяли вариативнее про-

¹См., например: *Барышников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006; *Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К. К.* Иностранные предприниматели в Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: состав, торговые и промышленные операции, общественная деятельность. СПб., 2006; *Шведы на берегах Невы: Сб.ст. / Сост. А.В. Кобак и др.* Стокгольм, 1998.

²Подробнее см.: *Беккер Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003; *Лурье Е. С.* Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб., 1913; *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

являть собственные индивидуальные способности и действовать в собственных интересах. Так случился переход к новым формам, способам и методам осуществления общественно значимых акций. Если частные формы благотворительности продолжали существовать как уже привычные, то теперь получили распространение коллективные формы помощи с привлечением средств и энергии родственников, земляков и компаньонов.

В перспективе вовлеченность предпринимательской общественности в благотворительность укрепляла их коллективный дух, институциональную и эмоциональную устойчивость. Также формирование организаций на основе благотворительной деятельности вело к укреплению неформальных связей в социуме, которые повышали эффективность осуществления деловой практики за счет сочетания правовых норм с личными связями и способствовали лучшей координации социально значимых действий. Иными словами, на рубеже XIX-XX вв. в предпринимательской среде Петербурга сложились традиции добросовестного сотрудничества. Они положительно влияли как на репутацию делового человека в целом, так и способствовали заключению удачных сделок на рынке. Примером использования такого инструмента инкорпорации в российские реалии, как благотворительная деятельность, служит Скандинавское благотворительное общество.

В последней четверти XIX в., когда деятельность иностранных предпринимателей в Петербурге расширялась, им приходилось устанавливать деловые отношения со все большим кругом поставщиков и потребителей продукции, наемных работников и партнеров. Становилось ясно, что дальнейший успех и стабильность их дела зависели от прочных связей с общественными кругами города. Именно включение в свою повседневную практику мер социальной направленности укрепляло внутреннюю структуру фирмы, демократизацию ее деятельности, а также более качественное обслуживание покупателей.

Традиции иностранной благотворительности закладывались в Петербурге раньше, еще в середине XIX в. усилиями **Ф. Ф. В. Сан-Галли**, развивались семейством Нобелей. Во второй половине столетия в городе действовали Германское, Великобританское, Французское, Швейцарское, Итальянское, Австро-Венгерское, Чешское, Скандинавское благотворительные общества. Они играли важную роль в обретении иностранными подданными новой родины на Невских берегах.

В документах Шведской дипломатической миссии в Петербурге в фондах Государственного архива Швеции сохранился рукописный проект устава «Шведско-норвежского и датского рабочего общества в С.-Петербурге», датируемый 1871-1872 гг. Эта организация так и осталась проектом на бумаге. Скандинавское благотворительное общество возникло в 1877 г. по инициативе другой социальной группы. Создавалось оно как «Скандинавское общество в С.-Петербурге» изначально с вполне светскими целями, в частности, для празднования Рождества «по отечественным традициям». Однако уже в 1878 г. меняется как название, так и предназначение этой организации. Теперь уже «Скандинавское благотворительное общество в С.-Петербурге» ставило своей главной задачей благотворительную деятельность. Председателем был избран Л. Нобель, а состав мог похвастаться именами видных деятелей политики, культуры, науки и предпринимательства скандинавского, преимущественно шведского происхождения (шведско-норвежский вице-консул Г. М. Дамберг, балетмейстер Х. П. Иогансон, ювелир А. Тилландер и др.). Примечательно, что для Л. Нобеля архитектор шведской общины в столице К. Андерсон возвел несколько зданий, среди которых стоит отметить особняк с конторой в стиле флорентийского ренессанса на Выборгской стороне (Выборгская наб., 19), газовый завод и др.

Устав Скандинавского благотворительного общества был утвержден в январе 1879 г. В нем был зафиксирован один праздник, обязательный для всех членов общества и отмечаемый на ежегодном общем собрании, - 17 апреля, день рождения российского императора. Документ также закреплял структуру и предназначение организации: «... под председательством Шведско-Норвежского посланника и под вице-председательством Шведско-Норвежского генерального консула или лиц, заступающих на их места, имеет целью оказывать, по мере своих средств, вспомоществование нуждающимся скандинавам, живущим в С.-Петербурге и его окрестностях»³.

Довольно быстро стало очевидно, что лиц, желающих получить помощь, гораздо больше, нежели позволяли отчисления членов общества в количестве в среднем 40 чел. В качестве соискателей выступали преимущественно шведы и шведоязычные финляндцы. Необходим был поиск путей экономии, и одним из них стало прекращение оказания помощи финляндцам. Тому было найдено объяснение: в Петербурге находились

³Устав Скандинавского благотворительного общества в С.-Петербурге: [Утв. 18 янв. 1879 г.]. СПб., 1879.

финские благотворительные общества, «а швед, датчанин или норвежец, оказавшийся без средств к существованию столь далеко от дома, обречен на нищету»⁴. Однако нехваткой денег трудности осуществления благотворительной деятельности обществом не ограничивались. Имели место случаи злоупотребления выделенными средствами, когда полученные деньги тратились соискателем мало того, что «нецелевым» образом, но и образом в большей степени асоциальным – на выпивку в кабаке⁵.

Впоследствии устав пересматривался и заново утверждался, причем уточнения делались именно в аспектах, связанных с функционированием общества: «а) снабжает жизненными припасами, одеждою, квартирою, а также деньгами неспособных содержать себя личным трудом; б) предоставляет бедным, способным к труду, занятия, места службы и рабочие материалы, а равно заботится о выгодной продаже их произведений; в) заботится о воспитании детей, не имеющих родителей, а также бедных в случае болезни и г) устраивает заведения для упомянутых детей»⁶. Одним из механизмов реализации программы было устройство приютов. Так, в 1895 г. на Ординарной ул., 18 был открыт приют на 12 «престарелых женщин»: только одна из них была норвежской подданной, остальные – шведскими. Идея приюта для мальчиков так и осталась нереализованной, поскольку не удалось собрать необходимую сумму. В дальнейшем было достигнуто соглашение с приходом Св. Екатерины, по которому в их приюте для мальчиков в обмен на переданную денежную сумму гарантировалась 1/5 мест для Общества.⁷

Интересным источником являются годовые отчеты Скандинавского благотворительного общества. Именно в них содержатся сведения о трудностях и путях их преодоления, если это возможно. Так, в отчете за 1898-1899 гг. отмечается, что, в отличие от других европейских столиц, в Петербурге отсутствуют условия для деятельности подобных обществ: нет мест для организации вечернего досуга, препятствует чрезмерный надзор со стороны властей, не хватает «людей искусства». Именно последняя проблема представлялась особенно важной, поскольку отсут-

⁴Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: Шведы на берегах Невы. М., 2010. С.44.

⁵Там же. С. 45.

⁶Устав Скандинавского благотворительного общества в С.-Петербурге: [Утв. 22 марта 1895 г.]. СПб., 1895; Российский государственный исторический архив. Ф.1287. Оп.19. Д.1533; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф.287. Оп.1. Д.197.

⁷ЦГИА СПб. Ф.515. Оп.1. Д.5275. Л.4.

ствие собственного помещения компенсировалось арендой залов в крупных ресторанах, а вот «животворный для совместной жизни фактор» в лице «людей искусства» найти было очень не просто. Речь идет о важной социальной функции общения, которое, в соответствии с протоколами заседаний Общества, должно прививать «чувство общности», любовь к отечеству, корневые нити, связывающие людей, живущих на чужбине, с родиной. Члены Скандинавского общества устраивали семейные вечера, на которых обеспечивать общение должен был «увеселительный совет». Светская жизнь оставалась на втором плане. Правление считало, что «вид толпы, отмеченной печатью бедности, не способствовал радости и настроению, ожидаемым от светского общения». Дам также не хватало, «и организовать что-либо кроме карточной игры не получалось»⁸. Банкеты проводились не слишком часто, но пышно, свидетельствуют об этом фотографии ателье Буллы за 1910-1912 гг.⁹

В 1906 г. в Обществе состояло 150 членов (отметим четырехкратный рост численности за 25 лет). Из них шведов насчитывался 61 чел., финляндцев 50, остальные – датчане и норвежцы. На средства Общества в начале XX в. были учреждены Народный дом и школа для детей рабочих на 200 мест, создан специальный капитал для нужд служащих и стипендий для обучения их детей, на балансе находились 159 собственных и 14 арендованных зданий¹⁰.

Единство внутри Общества, да и прихода в целом, к 1910-м гг. было уже практически полностью утрачено, что и привело к его расколу. К этому времени северная община уже не была единым организмом. Во многом это было связано с изменением баланса в этническом составе предпринимателей – выходцев из Северной Европы в Петербурге. В начале XX в. активная работа шведских предприятий («Л.М. Эрикссон», «Альфа-Лаваль», АГА и «Болиндер») привела к росту числа шведов – предпринимателей и инженеров. Кроме того, предприниматели отнюдь не были хорошими дипломатами. Разногласия между шведами и финляндцами по вопросу о правах, а также существование в Москве с 1890 г. Север-

⁸ Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: Шведы на берегах Невы. М., 2010. С.45.

⁹ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Е11924, Е11925.

¹⁰ Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К. К. Иностранцы предприниматели в Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: состав, торговые и промышленные операции, общественная деятельность. СПб., 2006. С.120.

ного благотворительного общества, привели к возникновению в 1907 г. аналогичной организации и в Петербурге, поскольку термин «северное» позволял включить в него нуждающихся «северного происхождения», не ограничиваясь только шведами. Сложностей добавлял не только общий приход Св. Екатерины, но и общий капитал и богадельня. Попытки примирения не были безуспешными, но большинство финнов продолжало бойкотировать Скандинавское общество.

В результате противоречий из-за разного видения целей благотворительности и ее адресатов сформировалось несколько других благотворительных обществ. Конфликт на этнической почве привел к выходу из Скандинавского общества ряда шведов, которые испытывали потребность в объединении. В феврале 1910 г. было учреждено Шведское общество в С.-Петербурге. Еще с 1906 г. посланником в российской столице был генерал-лейтенант Э. Брендстрём, который и стал почетным президентом Шведского благотворительного общества. В честь этого события была отправлена приветственная телеграмма королю Густаву V, на которую пришел ответ с «горячей благодарностью и пожеланием успешной работы»¹¹.

Шведское благотворительное общество кардинально отличалось по своим организационным основам и направлениям деятельности от Скандинавского. Оно было основано на принципе «шведскости», обостренном самосознании, подчеркнутой самоидентификации. Ежегодным праздником была дата гибели короля Густава II Адольфа – **6 ноября**. Благотворительность стояла на одном из последних по значимости мест. Это сфера общественной жизни максимально зависела от личной инициативы, не являясь программным требованием. Дочь Э. Брендстрёма Эльза являлась главным инициатором благотворительных акций, лично посещая нуждающихся и раздавая им все необходимое. С точки зрения социально значимой деятельности общества в целом, отметим женскую организацию «Муравейник» для материальной поддержки неимущих шведов. Еще одним проектом Эльзы Брендстрём стала отправка с 1912 г. шведских детей на историческую родину за счет средств общества для совершенствования в родном языке и укрепления корней. Для проживания детей заключались соглашения с крестьянами, рабочими, священниками, учителями и врачами, в семьях которых они размещались в качестве своеобразных колонистов.

¹¹ Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: Шведы на берегах Невы. С. 45.

80-е гг. XIX в. ознаменовались созданием в Петербурге нескольких финских благотворительных организаций. Их появление было предопределено теми сложностями и противоречиями внутри северной общины, о которых говорилось выше. В 1882 г. было учреждено Финское благотворительное общество, ориентированное на поддержку финнов низших сословий, просуществовавшее до 1917 г.¹² Двумя годами позже были созданы Финское общество трезвости и «Начало» («Алку»).

Сведения о функционировании Финского благотворительного общества также можно почерпнуть в материалах ЦГИА СПб. Это ежегодные отчеты о деятельности, разрешения на устройство мероприятий (лотерей), документы о недвижимом имуществе и др.¹³ Основной упор в его работе делался на праздничных акциях. В мае 1912 г., например, на первой странице финской газеты «Инкери» («Ингерманландия») было опубликовано объявление о совместном с Обществом трезвости весеннем празднике с обширной развлекательной программой. Для петербургских финнов традиции проведения публичных праздников были уже устоявшимися, поскольку закладывались во второй половине XIX в., со времени созданного в 1867 г. Финского общества ремесленников.

Интересно, что первым финским обществом, в составе которого не было представителей среднего и высшего классов, стало «Алку». Оно с первых дней своего существования оказалось ярким противником Финского благотворительного общества. Камнем преткновения стало отношение к алкогольным напиткам и практика их потребления. Все 5 местных организаций «Алку» в пригородах Петербурга и в Келтто в Ингерманландии обвиняли членов Финского общества в излишнем пристрастии к алкоголю, а те, свою очередь, относились к противникам как к простонародной и политически радикальной организации. Таким образом, и в этой среде программное отношение к благотворительной деятельности и конкретные механизмы ее реализации значительно отличались от истоков второй половины XIX в.

Начало XX в. – это время активизации участия иностранного предпринимательства в социально значимой городской благотворительности. К этому периоду в петербургской предпринимательской среде сложились крупные семейные капиталы, которые сохраняли конкретную нацио-

¹²Устав С.-Петербургского финского благотворительного общества. СПб., 1882.

¹³Отчет о деятельности С.-Петербургского финского благотворительного общества. СПб., 1905; ЦГИА СПб. Ф.513. Оп.159. Д.113, Ф.569. Оп.13. ДД.46, 1236.

нальную и конфессиональную принадлежность. Социально-экономическая ситуация в столице России оставалась сложной, а это подталкивало промышленников, банкиров и торговцев к увеличению финансовой и материальной помощи нуждающимся соотечественникам.

Кроме того, серьезно изменились воззрения петербургского делового мира на роль, смысл и значение частной благотворительности в общественной жизни: теперь ее стали воспринимать не только и не столько как ключевую сферу реализации индивидуальных способностей и интересов, но и как наиболее эффективную в форме коллективной, а не индивидуальной. Так менялся климат, деловой и общественный: складывалась новая социокультурная и хозяйственная среда, в которой открывались новые возможности для благотворительной инициативы. В этом новом климате этнические и конфессиональные границы были весьма подвижны, а следовательно, подвижны были механизмы реализации как предпринимательской, так и филантропической инициативы.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Bekker G. S. *Chelovecheskoe povedenie: jekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po jekonomicheskoi teorii* [Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory]. Moscow: GU VShJe, 2003. 672 p.

Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

Baryshnikov M. N. *Delovoj mir dorevoljucionnoj Rossii: individy, organizacii, instituty* [The business world of pre-revolutionary Russia: individuals, organizations, institutions]. Saint-Petersburg: ООО «Knizhnyj dom», 2006. 412 p.

Барышников М. Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. 412 с.

Baryshnikov M. N., Vishnjakov-Vishneveckij K.K. *Inostrannye predprinimateli v Peterburge vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: sostav, torgovye i promyshlennye operacii, obshhestvennaja dejatel'nost'* [Foreign entrepreneurs in St. Petersburg in the second half of the 19th–early 20th centuries: composition, trade and industrial operations, social activities]. Saint-Petersburg: ООО «Knizhnyj dom», 2006. 429 p.

Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы предприниматели в Петербурге во второй половине XIX – начале XX века: состав, торговые и промыш-

ленные операции, общественная деятельность. СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. 429 с.

Ivanov M. V. Finskij Evangelichesko-ljuteranskij prihod Svjatoj Marii v Peterburge [Finnish Evangelical Lutheran Parish of St. Mary in St. Petersburg], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2005. № 6. P. 360-369.
Иванов М. В. Финский Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 360-369.

Jangfel'dt B. *Ot varjagov do Nobelja: Shvedy na beregah Nevy [From the Varangians to the Nobel: Swedes on the banks of the Neva]*. Moscow: Lomonosov, 2010. 392 p.
Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля: Шведы на берегах Невы. М.: Ломоносов, 2010. 392 с.

Jengman M. *Finljandcy v Peterburge [Finns in St. Petersburg]*. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom, 2005. 469 p.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский Дом, 2005. 469 с.

Jengman M. Finny i shvedy v Sankt-Peterburge v XIX-nachale XX vv. [Finns and Swedes in St. Petersburg in the 19th–early 20th centuries], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2004. № 5. P. 264-271.

Энгман М. Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX-начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 264-271.

Kusheverskij I. A. K voprosu o perspektivah issledovanija istorii shvedskih obshhin v Rossii v XIX veke v fondah RGIA [On the Prospects of Researching the History of Swedish Communities in Russia in the RGIA Foundations], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2002. № 3. P. 110-116.

Кушеверский И. А. К вопросу о перспективах исследования истории шведских общин в России в XIX веке в фондах РГИА // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 110-116.

Lur'e E. S. *Organizacija i organizacii torgovo-promyshlennyh interesov v Rossii [Orfanization and organizations of commercial and industrial interests in Russia]*. Saint-Petersburg: Izd. SPb politehnicheskogo instituta, 1913. 191 p.

Лурье Е. С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. СПб.: Изд. СПб политехнического института, 1913. 191 с.

Nironen Ja. *Finskij Peterburg [Finnish Petersburg]*. Saint-Petersburg: Institut Finljandii v Sankt-Peterburge; Evropejskij Dom. 258 p.

Ниронен Я. Финский Петербург. СПб.: Институт Финляндии в Санкт-Петербурге; Европейский Дом. 258 с.

Nironen Ja. Finny v Peterburge [Finns in St. Petersburg], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2002. № 3. P. 166-174.

Ниронен Я. Финны в Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 166-174.

Nort D. *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]*. Moscow: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 p.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Semencov S. V. *Dinastija shvedskih promyshlennikov i obshhestvennyh dejatelej Nobel' v Sankt-Peterburge [Dynasty of Swedish industrialists and public figures Nobel in St. Petersburg]*, in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2002. № 3. P. 28-39.

Семенцов С. В. Династия шведских промышленников и общественных деятелей Нобель в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 28-39.

Shvedy na beregah Nevy [Swedes on the banks of the Neva]. Stokgol'm: Shvedskij institut, 1998. 299 p.

Шведы на берегах Невы. Стокгольм: Шведский институт, 1998. 299 с.

Shrader T. A. *Sem'ja finljandskih juvelirov Tillander v Sankt- Peterburge (XIX — nachalo XX v.) [The Tillander family of Finnish jewelers in St. Petersburg (19th–early 20th century)]*, in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2010. № 11. P. 19-28.

Шрадер Т. А. Семья финляндских ювелиров Тилландер в Санкт- Петербурге (XIX — начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11. С. 19-28.

Voevodskij I. Je., Lukosjak Ju. P., Mazur T. P., Silat'eva N. A., Shrader T. A. *Norvezhcy v Sankt-Peterburge (XVIII – nachalo XIX vv.) [Norwegians in St. Petersburg (18th–early 19th century)]*, in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]*. 2008. № 9. P. 28-41.

Воеводский И. Э., Лукосяк Ю. П., Мазур Т. П., Силатьева Н. А., Шрадер Т. А. Норвежцы в Санкт-Петербурге (XVIII – начало XIX вв.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 28-41.